

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

О. Ф. Филимонова

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А., Россия
filmon-2006@yandex.ru

Познавательный интерес к проблеме идентичности устойчиво сохраняется и даже возрастает по мере того, как видоизменяются формы и характер отношений в обществе и культуре. Вполне закономерно, что этот во многом противоречивый процесс не может не затронуть проблемы урбанизированной формы социальности. Статья нацелена на конкретизацию в терминах урбанизма понятия «Я» как устойчивого ядра личной самоидентификации, а также выделение из этого общего концептуального поля в качестве особой темы проблемы городской идентичности. Городская идентичность есть культурно-стилистическая ипостась, способная к модификациям в связи с пространственными и ментальными резонансами. Определено, что идентичность города, как и человека, обретается в модусе смыслостроительства, во внутреннем побуждении придать цельность собственным представлениям о себе. Множественность, противоречивость, а значит, неподлинность самоотождествлений персонализируется как ментальная дивергенция. В рамках этих философских конструкций и в фокусе процесса интеллектуальной миграции осмыслено значение университетских городов, а также рассмотрен ряд объективных факторов (карьерные интересы и экономическое благополучие), которые как динамические составляющие культурной жизни сигнализируют о специализации, на которую опирается город в своём развитии. В исследовании отмечается, что символическая значимость взаимной идентификации города и университета идеально смыкается в тождественности «высокой культуре».

Ключевые слова: городская идентичность, пространство, культура, ментальная дивергенция, университет, интеллектуальная миграция.

URBAN IDENTITY: SPATIAL AND MENTAL DIMENSIONS

Olga Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia
filmon-2006@yandex.ru

Cognitive interest to the problem of identity remains and even increases as the forms of relations in the society and culture change. This largely contradictory process affects the problems of the urbanized form of social. The article is aimed at concretization of the “I”

concept in terms of urbanism as a stable core of personal identity, as well as at the problem of urban identity. Urban identity is a cultural and stylistic hypostasis capable of modifications in connection with spatial and mental resonances. It is determined that city identity as well as person identity, is formed in the process of construction of meaning, in the inner urge of the person to give integrity to his own ideas about themselves. Multiplicity, inconsistency, and therefore inauthenticity of self-identification is personalized as mental divergence. Within the framework of these philosophical constructions and in the focus of the process of intellectual migration, the importance of University cities is comprehended. The author considers a number of objective factors (career interests and economic well-being), that as dynamic components of cultural life signal the specialization on which the city relies in its development. The study notes that the symbolic significance of the mutual identification of the city and the University fits perfectly in their identity to a “high culture”.

Keywords: urban identity, space, culture, mental divergence, University, intellectual migration.

Особое положение понятия «идентичность» в гуманитарной риторике, частота употреблений, широкая сочетаемость и участие в философских конструкциях урбанистической направленности обуславливают его притягательность для осмысления сущности городской жизни. Город образовал собственное жизненное пространство, сформировал и идентифицировал урбанизированную форму социальности – горожан. Введение термина «городская идентичность» неизбежно требует конкретизации в категориальных рамках современного урбанизма таких базовых понятий, как «Я» и «город». В этой статье я хочу показать, что городская идентичность как культурно-стилистическая ипостась, не исключающая модификаций в связи с пространственными и ментальными резонансами, не лишена исследовательских перспектив. Особенно очевидными их делает факт глобализованного алгоритма событий и переживаний, сказывающийся на развитии и преображении самих городов и их привлекательности относительно качественных характеристик жизни и работы. Давно известно существование диалектической связи ментальных и пространственных структур, не менее изучены феномены этнической и культурной идентичности. Однако реальность создаёт новые прецеденты для их толкования. Мы позволим себе опустить детальное описание теоретически и методологически значимых содержаний отдельных идей и подходов, привлекаемых нами, и ограничимся их обобщениями, необходимыми в формате нами обозначенной темы.

Грани идентификаций

Очерчивая границы городской жизни, французский историк Л. Февр писал: «Мы живём в городе <...>, который не только место, где скапливается больше людей (и в большой тесноте), чем вне города, но и место, где человек не таков, как в иных местах» [Февр 1991, 283]. В толковом словаре

русского языка В. Даля приводятся идентификационные признаки такого человека: «городчанин, горожанин – городской житель вообще, особенно мещане и купцы, обыватель». Горожанином можно родиться, горожанином можно быть и стать, а можно и желать казаться им: «горожаниться, чваниться званием городского обывателя, принимать на себя вид горожанина или горожанки». Если свести данные интерпретации в общий контур, то в нём легко усматриваются и пространственная локализация, и ментальная модель, и социальная принадлежность. Словом, горожанин – это человек, который определённо понимает, *кто* и *где* он, что также предполагает сосуществование с собой *другого лица*, сравнение с которым и даёт ему возможность определить степень тождественности или различия с ним. Действительно, если ты не живёшь в городе, то ты уже не горожанин, ты – житель деревни, как равно очевидно различие в культуре и образе жизни между жителем региональной «глубинки» и проживающим в столице или преуспевающем большом городе.

Идентифицируются не только люди, сами города стремятся к идентичности. Они разделяются на крупные, малые, мегаполисы, центральные, периферийные, глобальные и др. В формате политики территориальной идентичности города специализируются и самоопределяются как университетские, курортные, основанные для спекуляции, кинопроизводства, развлечений. В столицах собраны активные силы центрального правления, банки, искусство, наука. В некоторых местах концентрируется крупная промышленность либо центры глобальных сетевых структур капитала, управления, технологий и информации или коммерческого культурного производства. Более того, сегодня заметен и рост конкурирующих городов (Нью-Йорк, Сингапур, Лондон, Гонконг, Сидней, Токио и др.). В условиях глобальной капиталистической экономики и явного нарастания темпов потребления необходимость подобной специализации городов вызвана стремлением обеспечить высокий уровень своей инновационности и экономических темпов развития. Такая прагматичная ориентация, с одной стороны, влияет на обслуживание и культивирование не только разнородных утилитарных, но и духовных запросов городских потребителей. С другой стороны, элементы сознания или жизненного стиля отдельных городских групп или сообществ отражаются на ассортименте потребительских услуг. Все эти стороны дела подчеркивались, в частности, в работах А. Панарина, О. Яницкого, М. Кастельса, С. Сассен и др.

Пространство смыслостроительства

Говорят, город – это люди. Люди создают «лицо» города, определяют его жизнеспособность. Город идентифицируется в модусе смыслостроительства, где просматривается чисто человеческое отношение к задачам и целям, среде и объектам города во всей объективности и со всей субъективностью воззрений и оценок.

Мы знаем, что город, наряду с естественным воспроизводством населения, всегда пополнялся извне чужаками (колонизаторы, священники-миссионеры, крестьяне, бизнес). Сегодня этот процесс часто представляется

в виде мигрирующих динамических «множеств» – временных конфигураций работников, сочетающих в себе мобильность, «натренированность жить в условиях необеспеченной занятости (*precariet*) и постоянных перемен», «привычку не иметь привычек», избегание идентичности [Вирно 2013, 104–105]. Формулируя идентичности подобного типа людей, то есть тех, кто «может принять вызов рискованной переменчивости форм городской жизни», тем самым определяя проблемы и интересы выделяемых таким образом групп, П. Вирно утверждает, что с ними не связано никаких неотъемлемых черт личности [Там же]. Основные необходимые качества, или «обобщённо-социальные таланты», приобретаются внеуродовой социализацией, т. е. состоянием ожидания работы. Неуверенность ожидания, случайность местоположения, хрупкая идентичность, постоянно меняющиеся ценности используются современной производственной динамикой в качестве самого ценного ресурса. Соответственно, существует много потенциальных идентичностей, образованных вокруг профессий, создаваемых постфордистской индустрией. По словам автора, последствия успешного формирования такого рода профессиональных идентичностей оказываются вполне осязаемы: оппортунизм и цинизм становятся способами существования «множества».

Радикальная открытость современных городов глобальным процессам бросила вызов их всегда столь высоко чтимым институциональным порядкам. Сосредоточив в себе неместное, чуждое, смешанное, городской мир самым ощутимым образом переживает мощное преобразование среды общественной ткани. Однако достаточно общей наблюдательности для понимания того, что ни коллективно, ни индивидуально городской люд не реагирует на данную ситуацию одним образом. Есть некий промежуточный параметр или фильтр между людьми и сложившимся порядком вещей, созданный из всевозможных потребностей, идей и ожиданий, унаследованных из прошлого. Этим фильтром, который устраняет определённые элементы возникшего событийного порядка и выделяет другие элементы, является культура. Есть пределы того разнообразия в ментальности и поведении, которое происходит из этого источника. То, что одной группе людей представляется хорошей возможностью или искушением, не обязательно будет воспринято также другой группой, живущей в обществе другого типа, с другим культурно-историческим прошлым. И если этнические или расовые отличия воспринимаются как относительно нефиксированные, то несоответствие определённым нормативным положениям становится критерием и стратегией фиксации несообразности месту. Пожалуй, первой ступенью теоретического объяснения подобного рода каверзных ситуаций была топологическая модель П. Бурдьё. Он отмечал, что, когда «проникаешь в пространство, не выполняя всех условий, которые пространство негласно предъявляет своим обитателям», всякий раз возникает чувство себя «не на месте» [Бурдьё 1993, 48].

Нашему пространственному восприятию имманентно выделение места в некоторых границах. Эти границы в разных случаях определяются по-разному, но всегда предполагают движение. Прежде всего, они определяются возможностями чувственного восприятия: зрительного, слухового, так-

тильного. Граница – необходимая опора в наших ментальных соотношениях с пространством и маркер возможности выходить за пределы чувственного восприятия, обусловленного движением мысли, за счёт памяти и воображения. Мысля и говоря о границе, мы полагаем себя либо внутри границ, либо по определённую сторону от границы. В русском языке «за границей» однозначно понимается как «в другой стране, в чужой для человека». Мы можем находиться на границе, но граница не может проходить через нас.

Известно, что люди способны относиться к городу как временной стоянке или чужому «здесь», куда они прибывают, чтобы «сделать деньги», а затем уезжают в своё «там», чтобы продолжать жить; они ведут себя так, будто не живут в нём вовсе. Практически заново начинают жизнь в чужом городе те, кто раньше намеренно покинул родные места. И всё же маловероятно, что идентичность, которая играла важную ограничительную социальную и культурную роль в течение длительного времени, может сразу и полностью лишиться важнейших качеств «Я», легко и без остатка перейти в другую ментальную область, удалившись от исторического контекста памяти (как мы знаем, ментальные сущности обладают продолжительностью). Это, как видно, тот пункт, где один культурный опыт расходится с опытом другой культуры. Это, пожалуй, та ситуация, когда идентичности приходится выдерживать тяжесть ментальной дивергенции [Филимонова 2004, 176–177].

Город и университет: ориентиры идентичности

Роль городов как образовательных центров, средоточий интеллектуальной жизни и труда всегда была уникальна. Грамотность всегда являлась маркером горожанина, а университеты, вне зависимости от своего местоположения в городе малом либо большом, всегда были пространством для подготовки квалифицированных кадров. Всё это, в конечном счёте, определило символическую значимость взаимной идентификации города и университета.

Любое общество заинтересовано в грамотных специалистах, поскольку в условиях современного развития неконкурентоспособность одних есть победа других. Соображения национального престижа, борьба между нациями за превосходство играют чрезвычайно важную роль в наши дни, о чём свидетельствуют статистические данные о крупных финансовых вложениях в сектор высшего образования ряда передовых в технологическом отношении стран. Объявляя запрос на интеллектуальный ресурс, производство и технологичная экономика стимулируют интерес к образованию и веру в ценность его ставок с помощью фактора конкуренции и личных достижений. Если объединить все эти свидетельства в некое обобщающее целое, то можно констатировать, что национальное процветание и безопасность государств определяется рядом решающих факторов, которые образуют между собой системную связь, основывающуюся на рациональной целесообразности (полезности, функциональности): научными открытиями, профессиональными знаниями и квалифицированными специалистами.

Такое положение дел заслуживает рассмотрения, поскольку его последствия выходят за локальные пределы и вызывают ряд серьёзных проблем, на которые указывают компетентные исследователи. В частности, С. Коллини определяет «совокупность черт, которая явным образом указывает на изменение в масштабах референтных сообществ: национальное всё больше заменяется международным» [Коллини 2016, 37]. Одними из очевидных аспектов этой перемены являются коммерциализация университетов и возросшая мобильность студентов как разновидность интеллектуальной международной миграции.

Как будет ясно из последующего рассмотрения связи университетов с глобальной капиталистической экономикой, акцент на феномене интеллектуальной миграции может внести дополнительный вклад в представление о городской идентичности.

В русле тенденции интеллектуализации труда и новых требований, предъявляемых к общему рынку людей, интеллектуальную миграцию можно оценить лишь в контексте структурного стимула к творчеству и целеустремленного достижения социальной и культурной значительности. Разумеется, поставляющие и принимающие интеллектуальных мигрантов города испытывают на себе влияние широкого спектра факторов, которые способствуют идентификации их образа и престижа. В этой связи назовём несколько значимых, на наш взгляд, обстоятельств.

Карьерные интересы. Кризисное уmonoстроение в отношении высшего образования повсеместно обусловлено проблемой карьеры университетских выпускников. Известно, что главной материальной основой для интеллектуального творчества по традиции был патронаж. Сходной формой патронажа являлся обычай вознаграждать интеллектуалов постами, находящимися в распоряжении правительства [Коллинз 2002, 828]. Соответственно, внимание бюрократического аппарата к университетскому образованию имеет прямую связь с назначениями в правительственных структурах, с воспроизводством интеллектуального ресурса для управленческих структур. В городах, имеющих свои университеты, вероятность получения административных постов возрастает, что естественным порядком делает образ города привлекательным для учёбы и карьеры.

Если говорить о нашей стране, то неостребованность интеллектуального потенциала связана не только с его неэффективной растратой, но и с нежеланием вкладывать инвестиции в научные исследования и изобретения, в школу современной подготовки отечественных учёных и технически образованного персонала. Приходится предполагать, что в сложившемся положении вещей сказывается неумение или неспособность аппарата власти и управленческих структур мыслить перспективно и по-государственному. В связи с этим очевиден риск прямых материальных и духовных потерь для страны: карьерные перспективы для многих россиян видятся за границей. Возникает устойчивое ощущение, что действия политиков по важнейшим вопросам сознательно уподобились классическому приёму страуса, прячущего свою голову в песок.

Есть и другие объяснения. К примеру, стоит ли напоминать о нарастающем грузе и степени расширения доли чиновников в среде правительствен-

ных служащих и бюрократической администрации городов и тем более говорить о том, как важны образовательные требования для получения государственных постов и как зависят управляющие структуры от университетов в найме образованных специалистов и высокообразованных учёных. Можно ли отсюда делать вывод, что публичная власть (выпускники университетов) в образовательном смысле деградирует и пользуется рекомендациями (часто иностранных) экспертов, внешних лоббистов, консультантов, советников корпоративного сектора, оплачивая их услуги?

К. Крауч в своей работе «Постдемократия» отмечает: «Чем больше государственных функций отдаётся на откуп частному сектору, тем сильнее государство утрачивает свою компетенцию. <...> Постепенно оно даже лишается навыков, без которых невозможно разобраться в определённых видах деятельности» и вынуждено «оплачивать услуги консультантов, объясняющих, как оно должно выполнять свою работу. <...> Правительство становится своего рода институциональным идиотом – каждый его непродуманный ход заранее предсказывается хитрыми рыночными игроками и вследствие этого лишается смысла. Из этого следует ключевая политическая рекомендация современной экономической ортодоксии: государству лучше вообще ничего не делать, помимо выполнения своей роли гаранта свободного рынка» [Крауч 2010, 60–61].

Автор «Постдемократии» приводит веские аргументации этого, показывая, что глобальный капитализм обеспечил централизацию экономических институтов и привилегированный доступ к политике со стороны бизнеса и коммерческих интересов, что мир в целом стал образцом крупнейших групп фирм и различного рода компаний. Действительно, образование и наука весьма ощутимо переживают этот «счастливый» эффект, когда государственные власти отказывают им в финансировании и вынуждают полагаться на спонсорство бизнеса (всевозможные гранты, спонсируемые из фондов корпораций). По существу, эти стратегии, которые представляют собой «игру, разыгрываемую между элитами», работают против образовательной системы и культуры.

Подобное понимание мы встречаем в работах отечественных и зарубежных исследователей, обозначивших контуры классового вызова, брошенного элитами социальному большинству. К. Лэш отмечал тенденцию перехода к новому типу социальной иерархии – двуклассовому обществу, в котором статус индивида определяются тремя факторами: богатством, властью и образованием. Социальное большинство интенсивно отчуждается от собственности, накоплений, от высших достижений культуры и цивилизации. Экономическому расслоению сопутствуют культурные границы; такое расслоение приводит к тому, что хорошее образование становится прерогативой богатых [Лэш 2002, 141]. Видимо, потому в «неэлитных» университетах идёт упрощение курсов не только естественнонаучных, но и гуманитарных дисциплин, чтобы в результате размножить и идентифицировать выпускников университета и университетский профессорско-преподавательский состав в индексе «полуобразованная масса», «люмпен-профессориат», «пролетаризированная интеллигенция». Соответственно, приостановить динамику социальной мобильности, которую традиционно

обеспечивал университет горожанам, и спровоцировать их пространственную мобильность.

В широкий поток интеллектуальной миграции сегодня вливаются не только абитуриенты, студенты, аспиранты, но и академики, профессура, «недовольные учёные», ученые «с именем» и «без», маргинальные интеллектуалы. Хотя можно сказать, что в явлении интеллектуальной миграции есть определённая лжелогика: те многие, кто самодовольно признают себя энергичными и умными, конечно, в большинстве своём заблуждаются. Их ошибочная самоидентификация неизбежно и по праву срывает «на повышение» тех, кто действительно умен, энергичен в освоении чужого опыта и последовательно работает внутри национальных производственных и интеллектуальных традиций, совершенствуя и преумножая их культуру. Этот вывод прост, ясен и сам собою напрашивается всякому, кто берёт на себя самый малый труд в него вникнуть.

Экономическое благополучие. Карьерные интересы всегда побуждали интеллектуалов искать счастье на материально обеспечивающих основах. Запрос современной экономики на интеллектуальный ресурс вывел на передний план критерии профессиональной компетенции и творческого потенциала. Престиж университета как центра творческой мысли просматривается через рынок профессиональной рабочей силы, через исследования прикладных наук, через жёсткую конкуренцию. Успеха добиваются те, кто способен придать идее осязаемую потребительскую ценность, кто умеет невещественное сделать востребованной на рынке вещью, иначе говоря, благополучно соединить творческое воображение с бизнесом. Особую ценность приобретает умение и знание, каким способом конвертировать собственные способности в материальный эквивалент, а свой талант в высокие социальные позиции. В этом контексте объективных и субъективных стратегий отдельные университеты представляют собой особые формы предпринимательства и функционируют в качестве научно-исследовательских центров с целью технологического новаторства и в полной зависимости от финансов и интересов заказчика. Соответственно, университетские города активно пропагандируют интеллектуальную миграцию в целях получения работы и лучших материальных условий жизни, пополняя таким способом фонд социального доверия к себе.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что сегодня США функционируют в качестве самого крупного рекрутера интеллектуальной рабочей силы, а университетам вроде Стэнфорда и Гарварда достаётся несоизмеримая доля внимания. Однако масштабы миграции позволяют судить о существенном расхождении между потребностями экономики в специалистах высшей квалификации и подготовкой их американской высшей школой. По словам бывшего президента Гарвардского университета Д. Бока, слишком много выпускников высших школ имеют ограниченные навыки в математике и слишком мало обладают достаточным уровнем подготовки для того, чтобы в дальнейшем стать инженерами, так как уровень обучения и преподавания не отвечает современным требованиям. Несмотря на то, что в Америке количество молодых людей – выпускников высших школ – намного превышает количество выпускников в Швейцарии или Германии,

эти страны имеют более эффективную систему профессиональной подготовки и обучения. Да и рабочая сила в этих странах имеет по сравнению с американцами лучшую профессиональную подготовленность, больше соответствует требованиям экономики, лучше осваивает новые профессии и лучше реагирует на технологические новшества [Бок 1993, 13]. Тем не менее американские университетские города остаются самыми желанными пунктами назначения для интеллектуальной миграции.

Показательно будет представить в цифрах логику экономической эффективности, в формате которой западные правительственные чиновники измеряют сегодня пользу от высшего образования. По американским подсчётам потенциальная «ценность» врача-иммигранта оценивается в 642 тысячи долларов, научного работника – в 237 тысяч, инженера – в 272 тысячи. В Германии считают, что труд иммигрантов принесёт немецкому народу отдачу, десятикратно превышающую стоимость их адаптации к новой жизни» [Добрынина и др. 1995, 141].

Здесь надо отметить, что ориентация на постоянное проживание и работу за рубежом не всегда основана на уверенности в своей конкурентоспособности на западном рынке труда или изобличает карьеризм. Часто людьми движет неразумное (слепое) восхищение чужой, но богатой страной, желание идентифицировать себя с её благоустроенными гражданами, отождествлять себя и быть подданными не своей страны. Этой потребности покинуть родину, чтобы жить и работать в другом обществе, этой полуосознанной тяге к чему-то лучшему могут сопутствовать смена имени, фамилии, сознательный отказ от большей части собственной культуры, подкреплённый обидой или возмущением всем тем, что наносит ущерб самореализации или не обеспечивает персонального уюта. При желании подобные иллюзорные надежды космополитического толка, часто мотивированные на потребление чужой и чуждой культуры, можно подтянуть к российским умонастроениям переселенцев и увидеть здесь больше сходства, нежели отличий.

Наконец, нельзя не отметить, что университеты всё ещё сохраняют монополию на производство «высокой культуры» ввиду традиционных функций высшего образования: знания ради знания и воспроизводства культурной элиты. Отсюда следует «незаметный» вывод, что позитивное связывание роли университета и интеллектуальной миграции с расширяющимся потреблением «высокой культуры» живёт надеждой обеспечить городу идентификационные знаки такого же высокого уровня.

Университет – одна из ключевых составляющих культурно-исторического пространства города. Эффект популярности и престижности, который порождается взаимной идентификацией между городом и функционирующим в нём университетом, хорошо известен в том смысле, что образ места сохраняет в своих специфических (единичных) формах созерцательно-отражающий аспект. В некотором роде складывается трёхсторонний контакт между городом, университетом и сознанием. Воспоминания о первых днях студенческой жизни, академических ритуалах и дружеских связях, атмосфере сосредоточенного чтения, дарующего обнадёживающее чувство творческого вдохновения в тишине залов университетской библиотеки, впечатления о транспортных поездках по «отработанным» маршрутам

до университета и студенческого общежития и много всего того, что становится сопричастным бесчисленным идеальным отпечаткам. Они ложатся на душу, давая ей материал и форму, их воздействие всегда добавляет взглядам и мыслям полноту и уверенность.

И университет, и город – места публичные. Университетская культура всегда и везде оказывала значительное влияние на буржуазную публику. Повсюду университеты принимали неизменно активное участие в городских восстаниях; роль университетских докторов в руководстве движений, значимость их трактатов и проповедей в оформлении идеологических программ общеизвестна. Убежденность в монопольном владении истиной и методах исправления общества посредством науки – одна из характерных черт учёного сообщества, изначально стимулирующая критический взгляд и контроль социально-политической жизни. Сегодня мы видим, как университеты трансформируются и обращаются к новому содержанию, которое, в конечном счёте, составляет условия и культурно-стилистический формат существования современного интеллектуала. Учёное сообщество, как и города, соединены сетью взаимодействий, которые должны быть средствами производства «высокой культуры». Идентифицируя себя с «высокой культурой», университетский город сможет достичь большей значительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бок 1993 – Бок Д. Университеты и будущее Америки / Пер. с англ. Н. В. Баскаковой. Москва, 1993.
- Бурдьё 1993 – Бурдьё П. Социология политики / Пер с фр. / Под ред. Н. А. Шматко. Москва, 1993.
- Вирно 2013 – Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой. Москва, 2013.
- Добрынина и др. 1995 – Добрынина В. И., Добрынин В. В., Кухтевич Т. Н., Туманян О. В. Общество – высшая школа – молодежь. Москва, 1995.
- Коллини 2016 – Коллини С. Зачем нужны университеты? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва, 2016.
- Коллинз 2002 – Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н. С. Розова. Новосибирск, 2002.
- Крауч 2010 – Крауч К. Постдемократия / Пер. с англ. Н. Эдельмана. Москва, 2010.
- Лэш 2002 – Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. Дж. Смита, К. Голубовича. Москва, 2002.
- Февр 1991 – Февр Л. Бои за историю / Пер. А. А. Бобовича и др. Москва, 1991.
- Филимонова 2004 – Филимонова О. Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры. Саратов, 2004.

REFERENCES

- Bok 1993 – Bok D. C. Universities and the Future of America. Transl. into Russian by N. V. Baskakova. Moscow, 1993.
- Bourdieu 1993 – Bourdieu P. Sociology of Politics. Transl. into Russian. Moscow, 1993.

- Collini 2016 – Collini S. What are Universities for? Transl. into Russian by D. Kralachkin. Moscow, 2016.
- Collins 2002 – Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Transl. into Russian by N. S. Rozov. Novosibirsk, 2002.
- Crouch 2010 – Crouch C. Post-democracy. Transl. into Russian by N. Edelman. Moscow, 2010.
- Dobrynina et al. 1995 – Dobrynina V. I., Dobrynin V. V., Kukhtevich T. N., Tumanyan O. V. Society – High School – Young People. Moscow, 1995. In Russian.
- Febvre 1991 – Febvre L. Combats pour l'histoire. Transl. into Russian by A. A. Bobrovich et al. Moscow, 1991.
- Filimonova 2004 – Filimonova O. F. Living Space of the City: Conceptual Foundations and Mental Structures. Saratov, 2004. In Russian.
- Lasch 2002 – Lasch Ch. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. Transl. into Russian by J. Smitty, K. Golubovich. Moscow, 2002.
- Virno 2013 – Virno P. Grammatica della moltitudine. Per un'analisi delle forme di vita contemporanee. Transl. into Russian by A. Petrova. Moscow, 2013.

Ольга Фёдоровна Филимонова

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А., Россия.

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.
E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Olga F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia.
Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department.
E-mail: filmon-2006@yandex.ru